

— ЗДРАВСТВУЙТЕ, батюно Васо.

— Добро пожаловать, молодые люди!

Человек с прекрасным выразительным лицом, любимый актер Васо Годзиашвили встретил нас в дверях своей квартиры с улыбкой, которая мигом освободила его гостей от маленького чувства неловкости. И тем не менее заготовленный заранее вопросник мы предпочли не извлекать из сумки. Оскорбить непосредственность так же боязно, как оскорбить доверие. Зная актера Васо Годзиашвили, можно было быть уверенным, что не окажешься в атмосфере довлеющего величия или, скажем, салонной чопорности. Но встретившая нас в дверях обезоруживающе — спокойная улыбка тоже оказалась обманчивой. Васо был расстроен. Не дожидаясь нашего вступления, он заговорил о новой постановке театра Руставели — «Кваркваре Гутабери». В корне, в глубочайшем принципе он не согласен с такой трактовкой пьесы. Наше маловыразительное молчание (мы-то не видели спектакля) было ему явно досадно. Ему позарез нужен был собеседник, именно на эту тему, и именно молодой. Вот тут-то мы и спохватились, извлекли-таки вопрос «из сумки». Ведь наши интересы фантически оказались встречными. Один из припрятанных нами вопросов гласил: какое современное молодое поколение в восприятии Васо Годзиашвили, каким он его видит, хозяина и распорядителя будущих лет?

— В 1972 году довелось мне быть членом состоявшегося в Москве Конгресса всемирного театра. Я сейчас не о его проблемах. Вспомнил мне сию минуту один маленький факт, картинка, застрявшая в памяти. В Колонном зале Дома Союз о в спускается по лестнице молодая иностранная пара. Остана вливается перед большим зеркалом. Девушка одним взмахом поправляет волосы и движется дальше. Но, увы, ей приходится остановиться и ждать своего спутника, который прихорашивается у зеркала. Но как долго и как усердно, с поистине женской обстоятельностью. Да и обрамление у парня было подчеркнуто женственным. Соответственно девушка — под парня. Смотрел я на эту пару и злился. Надо бы пожалеть. Ведь все, что не подчиняется великой естественности, бывает, в конце концов, наказано. А во мне вскипает негодование, я рву и мечу, я в душе потрясаю кулаками. «Девочка, — говорю я про себя, — вам матерью быть. В этом ваше исключительное назначение. И право нести свою женственность, холить ее, исторгать ее чистые слезы, очеловечивать ею мир — тоже исключительное. И кто посягает на это право? Тот, кто должен был бы почитать его, как святыню. Почему же вы не бунтуете, дитя мое!» Я, видите ли, хотел немедленного бунта. Ну, с парнем разговор у меня параллельно шел другой, чуть покрепче. Так я и постоял некоторое время на этой лестнице. Пара одинаковых силуэтов

давно удалилась, а я продолжаю разглагольствовать, про себя, разумеется...

Я далек от мысли приравнять нашу молодежь к той или наши проблемы сравнивать с теми. Но есть, конечно, общие черты. Есть молодежь второй половины XX века. И она схожа хотя бы в каких-то внешних проявлениях. А внешние черты было бы легкомысленно рассматривать в полном отрыве от личности. Вот почему мне кажется тревожным многое из того, к чему подчас относятся снисходительно. Всеми мерами нужно защитить еще хрупкое, податливое молодое существо от дурных влияний, бороться надо за его физическую красоту и здоровье, питать высокой пищей его дух, и нужно быть к нему требовательным, не прощать запросто заблуждений.

Сейчас, как о каком-то приобретении, много говорят о «свободе мышления». Этой

будто я кладу кирпич в драгоценное здание, которое мы возводим.

Наша молодежь активна. Посмотрите, сколько ее работает, например, в духовной сфере. Кино, театр, литература, искусство. Что она скажет в каждой из этих областей, от этого во многом зависит характер будущих десятилетий. Я бы помечтал об искусстве принципиальной гражданской позиции, пожелал молодежи обостренного восприятия чести той страны, которую мы представляем. Чтобы в самые значительные и малозначащие минуты жизни нас, хотя бы подспудно, не покидала мысль о Родине.

— Многие ваши роли напрочно вошли в историю театра. Но какой бы из них вы сами отдали предпочтение?

— Как колоссальную личность почитаю Илью Чавчавадзе. Вижу в нем воплощение таланта и совести своего народа. И больше всего

МОЕ ДРАГОЦЕННОЕ ЗДАНИЕ

формулировкой увлекается молодежь. Конечно, искусственно воздвигаемые барьеры, там, где идет глубинный процесс познания и отражения мира, порочны по своей сути. Но разве народная традиция, институт гражданственности противоречат свободе? Кто мы без истории нашего народа, без того опыта, приобретаемого который он корпел тысячелетиями? Не люди, дорогие мои, а всего лишь жалкие существа, окончательно погрязшие в мизерной суете во имя своего живота. А где начинается Человек? С мысли о Родине, об общем благе, о большом строительстве.

В 1921 году семнадцатилетним паренком я пошел служить в Красную Армию. Был в первом грузинском полку, горжусь этим, мечтал стать генералом. Помешал гонимый. Все время пелось. Вот и толкнули меня в искусство. Пришел в театральный институт в красноармейской шинели. Окончил со стипендией Сумбаташвили Южина. Учился в консерватории. В 24 года уже играл в театре Руставели. С 30 года и по сей день, как известно, — марджановец. Так к чему я привел свою историю? Страна Советов! Из этого понятия мы были сотканы, в нем таились корни нашего таланта, если хотите. Не было бы Марджанашвили, так же, наверное, как и Мейерхольда, не будь этого могучего патриотического стимула, который двигал нашими поколениями. Когда я играл Ахма в «Анзоре» или молодого революционера Вартана в «Городе ветров», играя старика в «Далеком» Афиногенова, в «Царе Иракли» Левана Готуа, в пьесах Карло Каладзе, я неизменно был проникнут одним ощущением. Как сегодня помню чувство, владевшее мной:

люблю играть его героя — Луарсаба Татнаридзе. Не знаю, насколько он у меня получается, но сама по себе, если меня спросить, это одна из наиболее ярких фигур в мировой сатирической галерее.

— Батюно Васо, ваше имя в представлении грузин в значительной степени отождествляется с поэзией старого Тбилиси...

— Да, эта тема сопутствует мне всю жизнь. Не забудьте, что детство мое начиналось с Сирачхана — крутой тифлисской улочки виноградолюбцев. Теперь туда ходят знакомиться с историей города, а я-то видел все своими глазами. Летом мы ездили в Кизики, откуда я родом. У отца там был небольшой виноградник. В Сигнахи бывали? И как, пропала красота? Я лично несколько раз ездил в прославленный Париж, но ничего равноценного там не приметил. Вид с города на Алазанскую долину, да и снизу — на город, посаженный в тонкую рамку старинной крепости! Не дай бог коснуться этого чуда новым архитектором. То есть коснулись, я уже плакал по этому поводу. Нельзя, товарищи, неопозволительно допускать такое. Можем мы сегодня переключать Руставели на белый стих или делать из старинных гимнов легкую музыку? Впрочем, пожалуйста, Руставели останется самим собой, а гимны — гимнами. Совсем другое дело — строительство: здесь каждый неумный шаг непременно оборачивается гибелью ценности.

Вообще я вижу большое достоинство в том, чтобы беречь свою историю. Вот вы меня спросили о старом Тбилиси, колорит которого я вынашиваю десятилетиями. Да, потому что вижу в нем выражение своего народа,

считаю его неповторимым. Было сословие простых трудовых людей — ремесленников-карачохели. Но какие это были интересные люди, рыцари до мозга костей, со своим моральным кодексом, со своим этикетом галантности. Они знали цену хлеба-соли и были наделены склонностью к поэзии и песенному творчеству (такова уж была традиция). И как они оказывались в этом сильны. Сколько раз я был свидетелем таких вот, озаренных творчеством, пирушек.

А кино? Теперь их многие путают. Ведь ничего общего. Кино — это плутоватые торговцы. Люди без особой претензии на совесть, но зато веселчаки и зубоскалы. Ходили за тачками, обычно, с фруктами и зеленью, сочиняли куплеты, довольно остроумные. Не хлебом единым жив даже кино. Народ это был в основном безграмотный. Таким образом находил выход внутренней энергии — создавал фольклор. Лучшие образцы его стоит хранить и, может быть, развивать. Во всяком случае, Сосо Гришашвили в этом отношении свое сделал...

Мы намерены исчерпать свой вопросник, да и просто напрасно интересуем:

— Год, связанный для вас с большим и радостным волнением?

— 1970-й. Когда я получил Государственную премию имени Ш. Руставели. Это было большим признанием, и оно доставило мне на склоне лет, надо признаться, неслышанную радость.

— И что вы думаете о новом, наступающем годе, каким вы его предчувствуете?

— Недавно не на базаре, а в магазине купил внуку приличные мандарины. Немного постоял в очереди. Вот вам и хорошее предзнаменование. Это шутка, а если говорить серьезно, то прошедший год был для нас, мы уже это много раз отмечали, переломным. В смысле нашего общего самочувствия. Были восстановлены нормы общественной жизни, утерянные в течение немалого времени. Вернее, они восстанавливаются. Это процесс небыстрый и нелегкий. И чтобы он завершился успешно, необходима общественная активность каждого из нас. Вот где повседневность вырастает в значительную категорию. Требуется мужество в простом, малом, там, где оно как раз особенно притупилось. Противостоят жулику за прилавком, в такси, в пуните общественного питания. Без этой лепты каждого, мне кажется, бессильно административное рвение.

Вот я встретил вас, кажется, в несколько возбужденном состоянии, возмущался идеей своих коллег. Им-то есть что сказать в ее защиту. Что же, давайте спорить, да здравствует искренность, глубина убеждения. Я за то, чтобы мы не были равнодушны друг к другу, к тому, что творится на нашей Земле со старыми и малыми — со всеми нами.

Л. ДЖАНЕЛИДЗЕ.
Фото Р. Рухана.